

132
578

О ДУШѢ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ УЧЕНІЯМИ

О СИЛѢ.

ОПЫТЪ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТРОЕНІЯ

Н. Я. Грота,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-й.
1886.

40

О ДУШѢ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ УЧЕНІЯМИ

О СИЛѢ.

ОПЫТЪ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТРОЕНІЯ

Н. Я. Грота,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

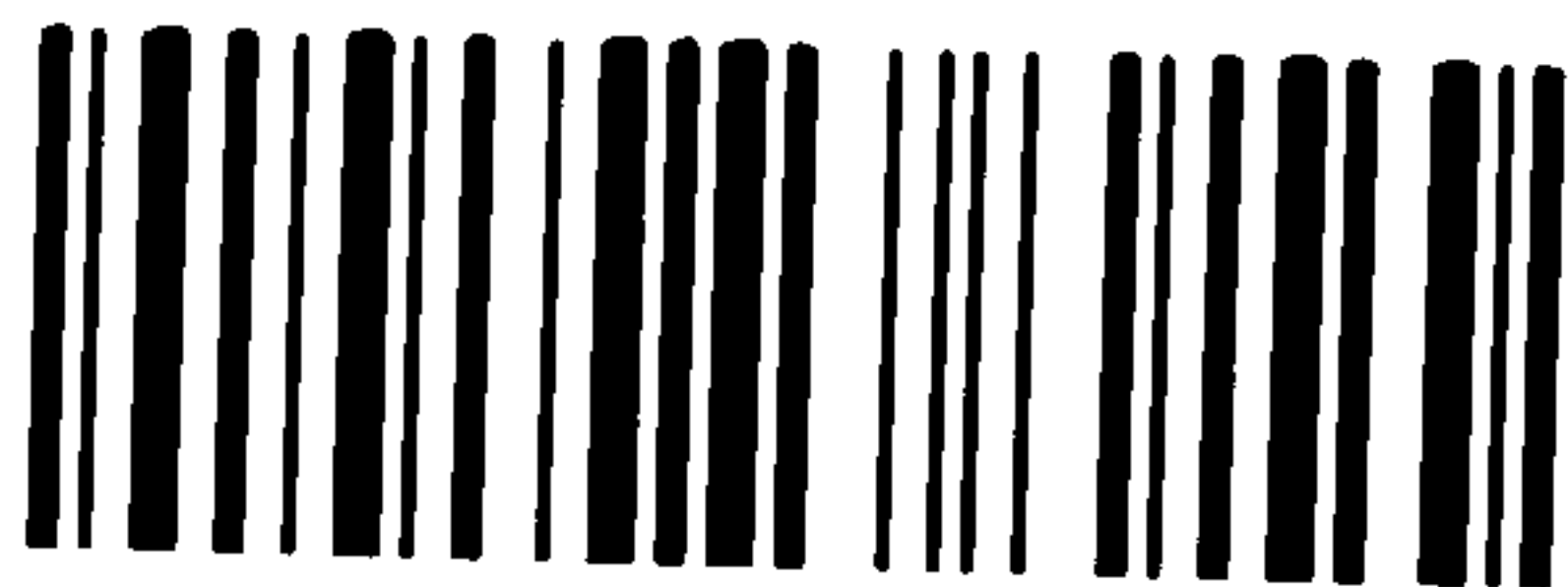

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3-й.

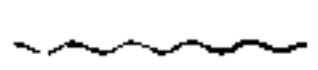
1886.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссій-
скаго уннверситета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

2007237566

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книжка представляет собою переработку двухъ публичныхъ лекцій «О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ» и «О предѣлахъ знанія», прочитанныхъ авторомъ недавно въ Одессѣ ¹⁾ и имѣвшихъ тѣсную связь между собою. При переработкѣ и сліяніи ихъ содержанія пришлось многое переставить, измѣнить, прибавить, такъ что авторъ принужденъ былъ дать имъ и новую форму связной статьи.

Эти публичные лекціи, какъ и всѣ прочія, читанныя авторомъ въ Одессѣ, преслѣдовали *одну общую цѣль*—обоснованія новаго этического или нравственнаго міровоззрѣнія, которое на почвѣ современныхъ естественно-научныхъ ученій о силѣ, о законѣ сохраненія энергіи, о развитіи природы, возстановило-бы идеальныя и абсолютныя нравственныя идеи — добра и зла, долга, свободы воли и т. д.

Но эта общая задача естественно распалась на три частныя. Рядомъ съ анализомъ спеціально этическихъ понятій, которому были посвящены публичные лекціи и рефераты — «О прогрессѣ, свободѣ воли, пессимизмѣ и оптимизмѣ, нравственной отвѣтственности и юридической вѣняемости, эгоизмѣ и альтруизмѣ», автору приходилось время отъ времени обосновывать *методы* своего изслѣдованія, и эту цѣль онъ пытался выполнить въ лекціяхъ «О задачахъ философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно» и «О предѣлахъ знанія и антропоморфизмѣ». Съ другой стороны, нравственное міровоззрѣніе человѣчества всегда тѣсно связывалось съ тѣми общими идеями, въ которыхъ оно привыкло суммировать всѣ свои представленія о внутреннихъ основахъ бытія вселенной, — съ идеями лич-

¹⁾ 12 Января и 6 Марта 1886 года въ залѣ Университета.

наго Бога и души. Философскому оправданію первой изъ этихъ идей была посвящена лекція о «Джіордано Бруно и пантеизмъ», а оправданію второй — лекція «О душѣ», воспроизведенію содержанія которой, въ связи съ вопросомъ «О предѣлахъ знанія и о критеріѣ истины», и посвящена эта статья.

Въ настоящее время ¹⁾ авторъ прочелъ еще одну публичную лекцію на тему «Возможно-ли достовѣрное знаніе нравственныхъ законовъ и прочное обоснованіе абсолютныхъ идей добра и зла», въ которой онъ изложилъ общіе результаты всѣхъ предшествовавшихъ работъ своихъ, посвященныхъ построенію этического міровоззрѣнія, съ точки зрѣнія науки и философіи. Задачи этой лекціи уже намѣчены имъ въ «Заключеніи» настоящей статьи.

Удовлетворительно-ли нравственное и философское міровоззрѣніе автора, подлежащее конечно дальнейшей детальной разработкѣ, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ, авторъ постоянно руководился исключительно стремленіемъ найти истину, не соображаясь съ мнѣніями и тенденціями различныхъ общественныхъ партій и группъ.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что опредѣливъ значеніе этой статьи, въ заглавіи, терминомъ «философское построеніе», авторъ поступилъ сознательно, желая выразить этимъ опредѣленіемъ «творческій» характеръ мышленія философа и участіе въ немъ особаго «субъективнаго» метода изученія дѣйствительности. Еще недавно, увлеченные успѣхами научнаго изслѣдованія и отрицательными результатами философіи нашего вѣка, представители интеллигенціи презирали, во имя точнаго опытнаго знанія, всякую философскую работу мысли. Въ настоящее время предразсудокъ этотъ начинаетъ ослабѣвать. Но и теперь еще существуетъ много людей, особенно среди специалистовъ точнаго знанія, которые къ философскому мышленію относятся пренебрежительно, обзывая всякую философію «діалектикой», хотя они обыкновенно и не знаютъ, что такое діалектика.

¹⁾ 3 Апрѣля 1886 г.

III.

Этимъ лицамъ мы напомнимъ прекрасное мѣсто изъ діалога Платона «Федонъ». Сократъ, послѣ недоумѣній своихъ учениковъ относительно вѣрности представленныхъ имъ доказательствъ въ пользу безсмертія души, предъ началомъ новаго анализа, говоритъ слѣдующее: «Прежде однако остережемся, чтобы съ нами не случилось нѣкакого несчастія..., а именно, чтобы мы не сдѣлались ненавистниками всякаго разсужденія (*μισολογοι*), какъ люди, дѣлающіеся мизатропами»... Разъяснивъ затѣмъ, что человѣконенавистничество есть плодъ чисто субъективныхъ разочарованій нашихъ, вслѣдствіе слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ людямъ, и сравнивъ съ этимъ условія разочарованія людей въ усиліяхъ «разсужденія», онъ продолжаетъ: «Не было-ли бы достойнымъ сожалѣнія происшествіемъ, если-бы кто-нибудь, въ то время какъ существуетъ истинное и достовѣрное разсужденіе, доступное пониманію, встрѣтивъ разсужденія, которыя кажутся то истинными, то ложными, обвинилъ-бы въ этомъ *не самого себя и свое неумѣніе разсуждать*, а кончилъ-бы тѣмъ, что съ горя перенесъ-бы вину съ себя на самый процессъ разсужденія и въ остальную жизнь ненавидѣлъ бы и поносилъ всякія разсужденія, лишивъ себя истины и возможности познанія истинно-сущаго» (глава XXXIX).

Но не случилось ли именно такое, достойное сожалѣнія, происшествіе со всей европейской интеллигенціей второй половины нашего столѣтія, послѣ отчасти неудачныхъ и фантастическихъ философскихъ построеній начала этого вѣка, и не пора-ли намъ, наконецъ, очнуться отъ «позитивнаго террора», который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія?

На немедленное возстановленіе довѣрія общества къ философскимъ построеніямъ конечно рассчитывать невозможно. Но унывать также не слѣдуетъ. Философскія идеи, какъ капли, медленно точатъ камни общественныхъ предрассудковъ. Философу нужно вооружиться терпѣніемъ, если онъ вѣритъ въ истинность своихъ основоположеній.

Одесса,
5 апрѣля 1886 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—III
I. Важность вопроса и смыслъ философскаго его изслѣ- дованія	1 — 5
II. Можно-ли найти надлежащую постановку его въ современныхъ философскихъ системахъ запада? . .	6—14
III. Основанія самостоятельнаго философскаго изслѣдованія вопроса о душѣ	14—20
IV. Историческій очеркъ ученій о душѣ	20—30
V. Критическая оцѣнка различныхъ ученій о душѣ и по- становка вопроса	30—37
VI. Познаваема-ли для науки сущность силы?	37—43
VII. Выясненіе настоящаго значенія проблемы знанія . .	43—50
VIII. Въ чемъ заключается критерій истиннаго знанія . .	50—60
IX. Предѣлы истиннаго знанія и законнаго антропомор- физма въ знаніи	60—71
X. Двойкій путь знанія и природа активной силы . .	71—80
XI. Двойственная основа вещей и отношеніе двухъ на- чалъ	80—89
XII. Заключение	89—92

I.

Важность вопроса и смысл философскаго его изслѣдованія.

Среди необозримаго множества вопросовъ знанія, занимающихъ и волнующихъ человѣческіе умы, съ тѣхъ поръ какъ въ нихъ пробудилась высшая любознательность, едва-ли можно указать на другой, столь-же важный и крупный вопросъ, какъ тотъ, которымъ мы займемся въ настоящей статьѣ.

Исторія человѣческой мысли и жизни учитъ насъ, что утвержденіе или отрицаніе *существованія души въ человѣкѣ* всегда налагало печать на все міросозерцаніе человѣчества, на весь складъ его идей, чувствъ, стремленій и дѣйствій. И это понятно: признаніе духовнаго начала въ основѣ своего собственнаго бытія давало человѣку возможность логически оправдать существованіе *высшаго* духовнаго начала, т. е. личнаго Божественнаго разума, во вселенной, а съ тѣмъ вмѣстѣ находили себѣ столь-же логическое оправданіе идеи разумности и общей цѣлесообразности всего существующаго и совершающагося въ мірѣ, — убѣжденіе въ дѣйствительномъ значеніи идей добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго. — вѣра въ прекрасное, въ идеалы справедливости и высшаго духовнаго совершенствованія. Но за то, какъ скоро, наоборотъ, вопросъ о существованіи души рѣшался *отрицательно*, то весь міръ идеальныхъ понятій человѣческаго сознанія превращался въ одну сплошную игру воображенія, въ міръ иллюзій и праздныхъ выдумокъ поѣтовъ и философовъ, поощряемыхъ «трусливымъ суевѣріемъ» толпы. Если нѣтъ души въ человѣкѣ, то *откуда* взять душу и разумъ для вселенной, а если во вселенной нѣтъ высшаго разума, то не можетъ быть въ ея существованіи и

развитіи высшихъ разумныхъ цѣлей и внутренняго нравственнаго смысла; если-же нѣтъ цѣлей въ жизни вселенной, если все совершающееся есть игра слѣпой необходимости и продуктъ прихотливаго столкновенія случайностей, то неоткуда приобрѣсти критерія и для нравственной дѣятельности человѣка. Идеи добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго въ сферѣ жизни человѣка оказались-бы такими-же выдумками услужливой фантазіи моралистовъ, какъ идеи Бога и цѣлесообразности во вселенной: не можетъ существовать добра въ жизни человѣка, если нѣтъ его въ жизни вселенной. И если все-таки признать, что «лихорадочный» бредъ человечества объ идеалахъ и порывы его къ высшему, къ лучшей и болѣе сознательной долѣ, составляютъ своего рода неизбѣжность и ничѣмъ не отвратимы, то что можетъ дать сознаніе этого основного противорѣчія идеальныхъ влеченій человѣческой природы съ грязной и пошлой, *по самому существу своему*, дѣйствительности, какъ не философію пессимизма, отчаянія—модную философію нашего времени, предлагающую, въ качествѣ исхода для больной мысли во всемъ извѣрившагося человечества, погруженіе въ абсолютное Ничто, въ Нирвану.

Таковы логически неизбѣжныя слѣдствія двоякаго рѣшенія вопроса о существованіи души въ человѣкѣ, и теперь должно быть ясно для всякаго, что это не только вопросъ празднаго ученаго любопытства: это—проблема, затрагивающая самые дорогіе, самые священные и близкіе для человѣческаго сердца «интересы жизни».

Отъ него человѣческая мысль неизбѣжно восходитъ и къ высшимъ вопросамъ о природѣ и законахъ бытія вселенной. отъ него-же она нисходитъ и къ рѣшенію самыхъ мелкихъ, но все-же важныхъ «вопросиковъ» повседневной жизни. Мы смѣло назовемъ его *центральнымъ* вопросомъ знанія, связаннымъ безконечно-разнообразными и часто неуловимыми нитями со всѣми остальными вопросами мысли, которымъ онъ и даетъ ту или другую степень жизненности.

Безъ сомнѣнія весьма желательно, чтобы рѣшеніе такого важнаго вопроса было какъ можно шире и какъ можно глубже, чтобы оно отвѣчало—и потребностямъ холодной и неумолимой

въ своей логической строгости *мысли*, — и запросамъ горячаго и неуступчиваго въ своихъ идеальныхъ притязаніяхъ *сердца человека*. Но такъ-ли рѣшался этотъ вопросъ на самомъ дѣлѣ?

Человѣкъ, къ сожалѣнію, склоненъ къ ошибочному взгляду, что то, что онъ лично знаетъ, совпадаетъ въ существенныхъ и главныхъ чертахъ со всѣмъ тѣмъ, что вообще приобрѣтено знаніемъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ значительное большинство людей не имѣетъ понятія объ очень многомъ, что уже добыто въ сферѣ мысли великими умами всѣхъ вѣковъ, то не удивительно, что масса человѣческая въ своихъ воззрѣніяхъ на вещи всегда была предрасположена къ односторонностямъ и крайнимъ увлеченіямъ.

Казалось-бы, одно то соображеніе, что всѣ крайнія мнѣнія всегда существовали совмѣстно или быстро смѣняли другъ друга, а послѣ снова возвращались, могло бы заставить насъ предположить, что истина состоитъ въ примиреніи и объединеніи противоположныхъ идей, изъ которыхъ каждая представляетъ сама по себѣ только извѣстную часть ея.

Но на самомъ дѣлѣ опытъ исторіи пропалъ даромъ для человѣчества и оно продолжаетъ и до сихъ поръ искать истины непременно направо или налево. Прямой путь, который повидимому долженъ быть признанъ кратчайшимъ разстояніемъ ко всякой цѣли, казался большинству людей всегда наиболѣе подозрительнымъ и опаснымъ. По этому прямому пути шли несомнѣнно гениальные мыслители древняго и новаго времени, но за ними слѣдовали лишь немногіе изъ обыкновенныхъ смертныхъ — и слѣдъ къ прямой дорогѣ, или открытой, вскорѣ вновь замѣтался неумолчнымъ временемъ.

Всѣ эти соображенія особенно приложимы къ занимающему насъ вопросу «о природѣ души».

Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ никѣмъ не ставился съ достаточною широтою и не разрѣшался именно въ духѣ упомянутаго выше примиренія требованій мысли и высшихъ идеальныхъ стремленій человѣческой природы. Напротивъ, во всѣ почти вѣка можно указать на мыслителей (Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ и др.), обсуждавшихъ проблему о душѣ столь разносторонне, что и въ настоящее время ихъ изслѣдованія могли-бы считаться поучительными. Но этихъ мы-

слителей общество не хотѣло слушать и понимать, и вскорѣ ихъ глубокія ученія забывались... Масса человѣческая охотнѣ шла за тѣми второразрядными умами, которые предлагали ей крайнія рѣшенія проблемы (мистическое и матеріалистическое) и мысль человѣческая продолжаетъ увлекаться и понынѣ ученіями наиболѣе поверхностными и наивными.

У насъ въ Россіи, при сравнительно низкомъ уровнѣ умственной и нравственной культуры и при чрезвычайной впечатлительности, свойственной молодому народу, общество особенно склонно бросаться въ крайности и взаимная нетерпимость односторонне мыслящихъ группъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какіе едва-ли извѣстны другому европейскому обществу. Въ каждую эпоху, впрочемъ, царить и властвуетъ одно направленіе, пока вновь не одолѣетъ противоположное, — и горе тому, кто пойдетъ противъ господствующаго теченія, даже въ качествѣ миротворца....

Вопросъ о душѣ раздѣлялъ у насъ, конечно, судьбу *всѣхъ* вопросовъ, занимавшихъ общественную мысль. Всѣ мы хорошо помнимъ, какъ въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ значительная часть нашего общества, и въ особенности молодежь, увлекалась крайними матеріалистическими воззрѣніями, которыя проводились *Молешоттомъ* въ его «Круговоротъ жизни», *Карломъ Фохтомъ* въ «Физиологическихъ письмахъ», *Бюхнеромъ* въ сочиненіи «Сила и матерія», игравшемъ роль своего рода катехизиса новаго направленія, наконецъ *Геккелемъ*, стремившимся въ многочисленныхъ біологическихъ сочиненіяхъ своихъ совершить синтезъ нѣмецкой матеріалистической доктрины съ ученіемъ *Дарвина*. Всѣмъ также еще памятно конечно, въ какой модѣ было у насъ Фохтовское сравненіе мысли, какъ отдѣленія мозга, — съ желчью, какъ отдѣленіемъ печени, и какія разнообразныя примѣненія находилъ у насъ матеріализмъ не только въ литературѣ, но и въ жизни, начиная отъ направленія художественной критики въ оцѣнкѣ произведеній гениальныхъ поэтовъ и кончая грубымъ поклоненіемъ толпы золотому тельцу.

Симпатіи общества однакоже неустойчивы. Въ послѣднее время матеріализмъ, какъ направленіе теоретической мысли,

значительно ослабѣлъ. Теперь общество начинаетъ все болѣе и болѣе увлекаться совершенно противоположными ученіями и идеями—мистическими идеями Достоевскаго и Толстого, а съ другой стороны — спиритизмомъ, отгадываніемъ мыслей на разстояніи, опытами «матеріализація» (!) души и всевозможными другими выдумками заѣзжихъ иностранныхъ гостей...

Конечно, нельзя не радоваться, что прежнее матеріалистическое направленіе умовъ, сопровождавшееся очень часто грубымъ отрицаніемъ высшихъ идеаловъ, всякихъ нравственныхъ принциповъ и эстетическихъ началъ, миновало. Но нельзя однако-же не смотрѣть съ опасеніемъ и на будущее, ибо теперешнія спиритическія увлеченія сулятъ, можетъ быть, въ послѣдствіи развитіе новыхъ опасностей, не менѣе серьезныхъ, чѣмъ самый матеріализмъ.

Задача настоящей науки, а еще болѣе задача *философіи* бороться съ такими крайними настроеніями общественнаго сознанія. Въ эпоху развитія у насъ матеріализма общество было безоружно: у насъ не было философіи, которая одна только и могла побороть поверхностную матеріалистическую метафизику, а не было ея потому, что она продолжительное время была въ загонѣ. Оттого матеріализмъ такъ долго (около 20 лѣтъ) у насъ господствовалъ и загубилъ столько хорошихъ силъ. Въ настоящее время философія имѣетъ и у насъ уже достаточно представителей, чтобы вступить въ борьбу съ односторонними умозрѣніями обоихъ порядковъ.

Но что-же въ состояніи философія противопоставить матеріализму и недѣльнымъ спиритическимъ фантазіямъ, представляющимъ намъ совершенно равноправными вырождающимися давно отжившаго и погребеннаго еще Юмомъ и Кантомъ «догматизма», т. е. того направленія знанія, которое строитъ различныя теоріи, не провѣривъ самыхъ основъ познавательной дѣятельности человѣка. Могутъ-ли вырвать насъ изъ объятій этого догматизма новѣйшія философскія построенія запада?

II.

Можно-ли найти надлежащую постановку вопроса въ современныхъ философскихъ системахъ запада?

Три главныя міровоззрѣнія, принадлежащія тремъ крупнымъ представителямъ наиболѣе культурныхъ европейскихъ странъ — Франціи, Германіи и Англіи — системы Ог. Конта, Шопенгауэра и Герб. Спенсера—по очереди господствовали въ послѣдніи десятилѣтія, и на западѣ, и у насъ, не стѣсняя впрочемъ нисколько параллельнаго владычества надъ умами материализма, съ которымъ онѣ имѣли много общаго и который именно въ нихъ находилъ себѣ какъ-будто высшую санкцію и оправданіе. Изъ этихъ системъ самая старая по времени возникновенія (въ 10-хъ годахъ нын. вѣка)—система Шопенгауэра; не случайно, однако, время господства ея настало сравнительно такъ поздно (у насъ только въ 70 годахъ, на западѣ нѣсколько ранѣе), уже послѣ уменьшенія вліянія Ог. Конта. Дѣло въ томъ, что именно сильная материалистическая окраска этой системы дѣлала её слишкомъ несочувственною для идеалистически-настроеннаго европейскаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ¹⁾. Ей нужно было испытать возрожденіе въ системѣ Гартмана, въ эпоху распространенія въ обществѣ позитивизма и материалистическихъ идей, чтобы побѣдить своихъ сравнительно слабыхъ соперницъ—философскія системы Шеллинга и Гегеля. И вотъ почему, вопреки хронологическому порядку, и на западѣ, и у насъ, господствуетъ надъ умами сначала Контъ, затѣмъ Шопенгауэръ, и наконецъ Спенсеръ, философія котораго имѣетъ преемственную связь съ системою Конта.

Спрашивается теперь, могутъ-ли эти три наиболѣе крупныя философскія міровоззрѣнія запада дать опору противъ вышеупомянутыхъ крайнихъ умозрѣній?

¹⁾ Мы, конечно, говоримъ о внутреннемъ содержаніи и тенденціи философіи Шопенгауэра, а не о внѣшней идеалистической ея оболочкѣ. Объ этомъ подробнѣе ниже.

Но если онъ сами суть ближайшіе родичи одного изъ нихъ и если не прямо его дѣтища, то братья и сестры?

Позитивная философія *Конта* несомнѣнно есть родная сестра германской матеріалистической метафизики, и общимъ отцомъ этихъ двухъ ученій является французскій матеріализмъ XVIII стол. Разница между ними въ томъ, что Контъ по преимуществу преемникъ сенсуалистовъ XVIII в. (школы Кондильяка), нѣмецкіе же матеріалисты—преемники чистыхъ матеріалистовъ (Ла-Меттри, бар. Гольбаха и др.). Но сенсуализмъ, выводящій все достовѣрное знаніе изъ пяти внѣшнихъ чувствъ, и матеріализмъ, выводящій все духовное изъ вещества, всегда были лишь двумя сторонами одной доктрины. Притомъ Контъ былъ несомнѣнно плохимъ знатокомъ исторіи философіи. Даже о великомъ и ближайшемъ предшественникѣ своемъ Кантѣ онъ зналъ болѣе по наслышкѣ и лишь мелькомъ упоминаетъ объ его ученіяхъ раза два во всемъ своемъ курсѣ. Философъ XIX в., столь поверхностно знакомый съ критическою философіею Канта, конечно въ сущности плохой философъ и кто сталъ-бы искать у Конта чего-либо болѣе—прекраснаго разсужденія «о методѣ точной науки» и изложенія системы «положительныхъ результатовъ», прибрѣтенныхъ ею до 30-хъ годовъ нашего столѣтія, тотъ жестоко ошлбся-бы. Философія не есть точная наука и точная наука не есть философія. Философія во всѣ времена выходила изъ критики и разчлененія познавательныхъ способностей человѣка и обстоятельнаго изслѣдованія вопроса о критеріѣ истины. Контъ-же не думалъ и не могъ думать о разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, ибо мало понималъ ихъ значеніе и отвергалъ то орудіе, тотъ методъ, при помощи котораго эти вопросы единственно и разрѣшмы—методъ самопознанія, *внутренняго* опыта. Контъ признавалъ лишь методъ *внѣшняго* опыта и наблюденія и даже, какъ извѣстно, самую психологію хотѣлъ разработывать безъ содѣйствія метода внутренняго наблюденія. Вслѣдствіе этого, всякая болѣе глубокая постановка вопросовъ знанія, а равно и сомнѣніе въ абсолютной достовѣрности знанія, прибрѣтаемаго при посредствѣ внѣшняго опыта, были ему чужды. Все, остававшееся такимъ образомъ за предѣлами ограниченнаго горизонта, ему доступнаго, презрительно обзывалось имъ *метафизикою* и причислялось къ продуктамъ второй, уже отжившей эпохи въ развитіи мысли человѣческой. Эта явная односторонность поне-